

Виноградник старца Ефрема

Православная монашеская обитель среди пустынных холмов Аризоны

Однажды в воскресной школе при греческом Успенском соборе города Денвера я услышал о монастыре, основанном афонским старцем архимандритом Ефремом. Рассказывали, что как-то раз, проезжая со своими спутниками по пустынным районам Аризоны, он попросил остановить машину в совершенно безлюдном месте. Вышел и как будто прислушался. «Слышите, — спросил он через какое-то время, — монахи поют?» Никто ничего не слышал. «Монастырь будет здесь». Спутники отца Ефрема засомневались: эта земля государственная, какой тут может быть монастырь? Потом, сверившись с подробной картой, обнаружили, что именно здесь проходит граница с частным участком, который предлагался к продаже. Со временем нашлись деньги на покупку и на строительство — и в аризонской пустыне возникла монашеская обитель! Услышав такую историю, я захотел побывать в монастыре, и через какое-то время Господь меня туда привел таким путем.

Как-то раз я готовился встретить моих друзей, которые прилетали из Канады. Я искал информацию о Великом каньоне, куда мы планировали съездить, и наткнулся на упоминание о греческом монастыре в городе Флоренция в Аризоне. «Будет время — заедем», — предложил я без особой надежды.

Изъездив тысячи километров по Колорадо, Юте, Неваде и Аризоне и насмотревшись на Каньон, мы остановились, чтобы сделать один из последних наших привалов. Я разложил карту и описал моим спутникам ситуацию: либо снова едем к Каньону, либо тратим целый день на поездку в монастырь. Это уведет нас глубоко на юг и обратно придется ехать шестнадцать часов подряд, чтобы успеть в аэропорт к их рейсу. В монастырь! — «выбрала моя однокурсница».

Все, что я знал про монастырь из туристического рекламного справочника, это то, что служба там начинается в половине четвертого утра. Мы потратили много времени на поиски монастыря петляя по пустыне, он расположен, подобно обителям древности, вдалеке от «прелестей» цивилизации.

Когда мы уже начали сомневаться, на заблудились ли, то неожиданно увидели небольшой указатель на греческом — «Антоний». И действительно, через несколько минут езды по грунтовке, свернув налево, мы

оказались перед главным входом. От света фар в темноту врассыпную бросились зайцы. Справа виднелась автостоянка, арка входа, дорожка, освещенный фонтан, огромные пальмы. Все остальное скрадывалось темнотой ночи. Не заглушая мотора и не выключая фар, мы вышли из машины. Ни ворот, ни сторожа — ни души! Чудно. В Америке так не живут — здесь каждый охраняет свою собственность и опасается маньяков. Пораженный покоем этого места, я окликнул своих друзей: «Слушайте, да это же кусочек рая на земле!»

...Прошло двенадцати месяцев, настал Великий пост 2000 года. Я получил трехнедельный отпуск, чтобы оправиться от непонятной болезни, терзавшей меня уже полтора года. Хорошее лечение в дорогах клиниках не помогало. Архимандрит Христоделос, монах с острова Родос, мой духовник, одобрил мое решение поехать на несколько дней в Аризону. Он позвонил в монастырь, поговорил с настоятелем благословил меня в дорогу — и все было готово к первому паломничеству в моей жизни.

Как я узнал впоследствии, эту обитель основал в середине 90-х отец Ефрем, до этого на протяжении многих лет бывший игуменом афонского монастыря Филофей. Он с юных лет подвизался на Афоне под руководством старца Иосифа-исихаста, причисление к лику святых которого рассматривается ныне Константинопольским патриархатом. Иосиф не был иеромонахом, потому тогда молодого еще Ефрема рукоположили в священники, чтобы было кому совершать богослужение в скиту, где жил старец Иосиф с послушниками.

Последние тридцать лет отец Ефрем, будучи настоятелем Филофея, окормлял многочисленную греческую паству в рассеянии — в США и Канаде. В ответ на их просьбы он периодически приезжал с пятью монахами в США и за последние семь лет основал на территории Северной Америки 16 монастырей, мужских и женских. Все они придерживаются Святогорского устава. Здешние греки, много раз бывавшие на Афоне и знавшие известных старцев, говорят, что «теперь нет такой нужды ехать на Афон, ибо Афон пришел к нам». Сердце всех основанных им монастырей, центр православной Америки — «Святой Антоний».

...Послушание мне определили на винограднике с отцом Миной. Он стал монахом в семнадцатилетнем возрасте, затем провел пятнадцать лет в Свято-Троицком русском монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк). Отец Мина перешел в монастырь Святого Антония вскоре после его основания. Как он мог столько работать, будучи много старше меня, не знаю. В Великий пост, когда я приехал в монастырь, монахи ели раз в день вареные овощи с хлебом и водой. Службы велись с полчетвертого утра часов до семи-восьми, после чего все шли в трапезную. Работали с десяти до пяти, потом все были на вечерне. За этим следовало правило, в двенадцать ночи — Иисусова молитва в церкви до часу. С часу до трех монахи, по силе своей, либо молились, либо спали. Временем отдыха был промежуток с восьми до десяти утра. (Отец Мина, впрочем, часто появлялся на винограднике и раньше положенного.)

Для паломников были послабления в посте; после вечерни в корпус приносили немного еды: овсяную кашу, мед, орехи, хлеб, сок. Я стыдился своей немощи: несмотря на долгий сон и двухразовое питание, я еле волочил ноги. Удивительно, но отец Мина в то же время как будто летал туда-сюда по винограднику и монастырю, бодрый и энергичный...

Задачей нашей было создать систему опор, поддерживающую виноградные лозы. Дело оказалось весьма непростым и замысловатым, требующим смекалки и физического труда. Каждый день к нам захаживали новые паломники-греки. Размахивая руками, они огорченно восклицали, что мы все неправильно делаем. Отец Мина, утешая меня, объяснил, что каждый грек, считая себя знатоком виноградного дела, обязательно сделает какое-нибудь замечание по поводу виноградника. Да вот только помогать, как правило, мало кто остается. Посему, когда в виноградник зашел очередной посетитель, пожилой седовласый грек, я не ждал от него помощи. Как и другие, он долго смотрел, качая неодобрительно головой. Но потом он взял ножницы, стал подрезать лозу и так проработал с нами до вечера. Пришел Спиридон (так его звали) и на следующий день. Вскоре отцу Мине потребовались материалы, и мы вызвались съездить за ними во Флоренцию.

Накануне поездки, когда все паломники собрались после воскресной трапезы и что-то довольно громко обсуждали, к нам подошел молодой монах. Невероятно тихо и очень смиренно, почти полупшепотом, он напомнил нам, что с восьми до полчетвертого в обители положено отдыхать. И нам, сказал он, хорошо бы уважать распорядок монастыря и идти спать. Против такой кротости никто не мог возражать, и мы разошлись.

На следующий день утром я увидел этого кроткого монаха в церкви во время Литургии с кадилом в священнической одежде. Мне интересно было узнать, как его зовут. Оказавшись со Спиридоном в машине, я решил спросить, знает ли он этого монаха.

— Его зовут Иоанникий, — ответил мой спутник. И через секунду добавил: «Он мой сын». Дальше была пустынная дорога и удивительный рассказ об истории одной семьи.

— У нас с женой было много детей, сеть ресторанов, достаток. Геронда Ефрем приезжал в Торонто раз или

два в год в семидесятые, восьмидесятые и девятые годы, исповедовал нас, помогал. Однажды он пришел к нам на ужин и, глядя на моих детишек, сказал: «Спиро, у тебя слишком много детей. Мне нужен один». Мы с женой добродушно посмеялись, решив, что старец шутит. Прошло двадцать лет. Мой старший сын вырос, окончил университет, стал инженером. Зарабатывал очень хорошо. Когда геронда основал этот монастырь, мы ездили сюда с женой и сыном помогать. Однажды после очередной поездки мой сын подошел ко мне и сказал: «Папа, отпусти меня в Аризону». Жена в слезы: «Не пушу...» Одним словом, теперь отец Иоанникий здесь, и мы с женой каждый год перед Пасхой в машину — и сюда. Помогаем, чем можем...

Здесь Спиридон, чтобы сменить тему, стал подробно рассказывать про автомобильную аварию, в которую он попал, еще о чем-то.

Быстро пролетели будни, и приблизилось первое мое воскресенье в обители. Все эти дни я, ложась рано, еле-еле вставал к окончанию Литургии, боясь обострения болезни. Пообвыкнув и ощутив к концу недели небольшое физическое облегчение, я решил-таки принудить себя выстоять всю воскресную службу и причаститься.

Половина четвертого утра. Звезды и шум ветра в листьях деревьев на пути в церковь. В то утро в службе принимал участие и старец, посему все было невероятно степенно и долго. Чтобы отогнать головокружение и тошноту, приходилось выходить во двор, омыв лицо, гулять вокруг Церкви, — лишь бы выдержать до конца службы. Поневоле подтрунивал над собой: «Дожил, в сорокапятиградусную жару по Амурской тайге в армии бродил, сутками мог без сна пахать, а здесь — на тебе, постоять спокойно не можешь!»

Забрезжил рассвет. Началась Литургия. Пришло время причащаться, и я, на подкашивающихся ногах и с внутренней дрожью, встал одним из последних. Отец Паисий, грек канадского происхождения, много лет подвизавшийся в Филофее и ставший игуменом «Святого Антония», причащал монахов и паломников. Отец Паисий, услышав мое негреческое имя, взглянул в глаза и спустя мгновение произнес: «Причащается раб Божий...» «Слава тебе, Господи!» — с облегчением подумал я, отходя от Чаши.

Трапезная наполнилась народом, приехавшим на праздники. Вот и детишки, которых я заметил в Церкви, по виду — точно русские. В ноздри пахло чем-то вкусным. Оказалось, что по воскресеньям разрешено оливковое масло, поэтому мы славно поели чего-то жареного, морского, и салата из фруктов. Работы в воскресный день не было, все куда-то разошлись, а я решил проведать «свой» виноградник...

Затрудняюсь описать то, что произошло в этот день. Зрение мое как бы изменилось, стало резче, пустынный воздух — невероятно прозрачным. Головная боль, до тех пор не отпускавшая меня двадцать четыре часа в сутки, как будто отошла на задний план. Если и есть слово, способное вместить ощущаемое в тот момент, то это «пронзительность». Я долго бродил по винограднику, обошел весь сад и все часовенки. После этого я решил отправиться на вечерню и раннюю общую трапезу. За ужином напротив меня оказался пожилой мужчина.

В часовне преподобного Серафима

Седой как лунь, сам степенно трапезничал и кормил своего внука. Весь его внешний вид, движения излучали такую тихую и мирную радость, что я стал смотреть больше на него, чем в свою тарелку. Странно, рассуждал я про себя, человек вроде русский, судя по лицу, а по одежде и манерам явно американец. Решил подойти к нему после ужина и спросить, кто он.

Пройдя мимо отца Ефрема, стоявшего на выходе из трапезной и благословлявшего каждого выходящего (правило, выполняемое в каждом монастыре, основанном им в Северной Америке), я очутился на улице. Около дверей толпились люди, в основном греки, ожидавшие выхода старца. Увидев заинтересовавшего меня мужчину, я подошел к нему и спросил:

— Скажите, Вы случайно не русский?

Получив утвердительный ответ, я приготовился задать следующий вопрос, когда мимо нас стал проходить отец Ефрем. Трое русских детишек, примеченных мною ранее, бросились и прилипли к старцу, обняли его за ноги. Мой новый знакомый принял их оттащить.

— Да, — подтвердил он, возвращаясь к прерванному разговору, — зовут меня Иван. Я русский.

— Послушайте, как Вы познакомились со старцем? По-видимому, он Вас и Внучат ваших знает хорошо.

— Он жил у нас первое время, когда с другими монахами приехал с Афона. У меня тогда была строительная компания, поэтому я им помогал в строительстве. Они разместились у нас в жилом трейлере, и мы ежедневно куда-то ездили, занимаясь строительством монастыря. К счастью, среди них был монах, знавший английский, — улыбнулся Иван.

— И что дальше?

Видя мой неподдельный интерес, Иван продолжил:

— Однажды утром ко мне пришел отец Ефрем и сказал через переводчика: «Янис (Иван по-гречески), ты знаешь, что тебя зовут Иван и ты русский?» Я вырос

американцем, католиком, и имя мое было Джон. Озадаченный, я при первой возможности отправился к маме и узнал, что это правда. «Я вышла замуж за католика во время холодной войны, — рассказала она мне. — Мы вырастили тебя американцем, скрывая твое русское происхождение: лучше было не упоминать об этом тогда. Я православная, и по мне ты русский». Через месяц-два геронда как-то приходит ко мне один (все монахи куда-то уехали) и начинает что-то объяснять: «Янис! Хоспитал Иосиф, хоспитал, хоспитал». Я сообщаю, что, наверное, он хочет ехать в госпиталь святого Иосифа в Феникее. Но зачем? Мы никогда там не были, никого я там не знаю, к строительству это не имеет никакого отношения. Он же тормозит и не отступает. Делать нечего — сели в машину, отправились в больницу. Подъезжаем, останавливаемся. Отец Ефрем выходит и прямым ходом в госпиталь, да так, как будто бывал там не раз. Я за ним. Поднимается, входит в палату, идет к больному. Старец раскрывает свою сумку, достает оттуда простой деревянный крест. Молится по-гречески. Благословив больного, кладет крест в сумку, и мы отправляемся восвояси. Я, недоумевая, тащусь за ним. А через некоторое время мы узнаем, что мужчина этот умирал от рака спинного мозга. После нашего визита он выписался из больницы — рака при повторных анализах не обнаружили.

Иван остановился перевести дыхание и продолжил.

— У нас была знакомая протестантка. Тоже рак. Врачи давали максимум полгода. Мы пытались ее уговорить сходить на исповедь или просто на встречу с отцом Ефремом. Знакомая поставила условия: не она придет к старцу, а он к ней в протестантскую церковь, в воскресенье, и после службы она с ним поговорит.

— Что же произошло? — нетерпеливо спросил я.

— Отец Ефрем спокойно согласился и в воскресенье сидел с переводчиком в комнатке в протестантской церкви, дожидаясь окончания службы. Она вошла в ту комнату плачущей, а вышла улыбающейся. Врачи, сделав очередные анализы, развели руками и сказали, что произошло чудо. Женщина жива.

— Вы так и остались католиком? — увлекшись рассказом, я брякнул бестактный вопрос.

— Через некоторое время мы решили стать православными — вся наша семья. И еще много наших знакомых. Все собрались в церковь в один день — восемь семей, всего около сорока человек.

По отрывистости фраз я понимал, что Иван волнуется, вспоминая те события.

— Все затянулось с полудня до ночи. Перед отъездом из храма, уставший и голодный, я договорился с нашими друзьями, крестившимися в тот день, встретиться в соседнем городишке и поужинать в единственном еще открытом ресторане. Мы с женой сели в машину, друзья наши отправились на своей. Ехали молча. Я терзался сомнениями: «Ну, дурак! Старый дурак! Ладно бы только своих, а народу, народу-то сколько втянул! А что если это опять какие-то сектанты типа Джонса или Кореша?¹ Что если это обман?

¹ Джим Джонс, глава секты, спровоцировал самоубийство около 300 человек — adeптов его секты в 70-х годах. Дэвид Кореш взорвал бункер со своими последователями в Уйко (Техас) в начале 90-х.

Господи, сраму-то будет!» Так я ехал, переполненный сомнениями. Я истово, как никогда в жизни, молился, дабы Бог дал мне знать, что я не сделал ошибку. Мы неслись по ночному пустому шоссе. В машине стояло молчание. Жена тоже, видимо, погрузилась в свои мысли. Неожиданно перед лобовым стеклом появилась белая пташка, которая продолжала лететь перед нами, помахивая крылышками. Я бросил взгляд на спидометр и увидел, что наша скорость была по-прежнему 120 км/ч. Голубка так же порхала перед стеклом. Это невозможно — подумал я, — с такой скоростью голубка лететь не может, она давно разбилась бы вдребезги об стекло. Решив, что у меня от переживаний и усталости начались проблемы с головой, я спросил супругу:

— Ты видишь?

— Вижу, — подтвердила она.

Через некоторое время голубка столь же молниеносно, как и появилась, ушла в сторону. Решили ничего не говорить друзьям, дабы они не подумали, что мы с ума сошли. Подъехав к ресторану, увидели, что они уже там. Друзья, заметив нас, вскочили на ноги и бросились к нам с радостными лицами: «Угадайте, что мы видели по дороге сюда?!» — Иван остановился, будучи переводя дух.

— Голубку? — спросил я. Он кивнул...

«Дедушка, дедушка!» — затеребили его внуки. Подбежав словно ниоткуда, они начали что-то ему показывать и рассказывать. Иван представил мне свое семейство.

— Вот моя жена, внуки. Внучка говорит, что игрушкой будет, когда вырастет.

— А сейчас Вы, наверное, заняты очень. Вон как строительство-то идет, — полюбопытствовал я.

— Нет, больше по строительству не помогаю.

— Как так?

— Когда была куплена эта земля, монахи переехали сюда, и с тех пор у них вон сколько помощников. Я ходил к отцу Ефрему, просил дать мне послушание, а он смеется и говорит: «Вот твоя работа теперь!» Иван вынул из рукава рубашки четки. Говорит «Твоя работа теперь — молиться с нами и четки вязать». Молюсь да людям четки раздаю. Вот так... — улыбнулся мой собеседник. Только сейчас я заметил, что уже стемнело и жена Ивана с детишками и дочерью давно ждут его, чтобы ехать обратно в город.

Пожав Ивану руку и поблагодарив за рассказ, я остался стоять около храма. Прислушиваясь к начинающейся перепалке цикад, к пробуждающемуся ветру, я улыбался такому невероятно счастливому дню. Впервые в жизни я понял, как можно «радоваться и веселиться в онь».

Наступили последние дни пребывания в монастыре, а мне так и не удавалось поговорить со старцем. Его буквально на части разрывали. Поэтому, когда я увидел отца Ефрема одиноко расхаживающим около строящегося корпуса и что-то намечающим на песке с помощью баллончика-распылителя, удивился. Молодой монах-грек, приехавший из Филофея, остановился рядом со мной и тоже смотрел на старца.

— Он вроде болел все эти дни? — поинтересовался я.

— Да.

— Послушай, а сколько ему лет-то?

— Не знаю. Много, — ответил монах. — Он ни на минуту не останавливается.

Видя мое недоумение, монах добавил:

— Мы всего лишь пытаемся подражать его жизни, поэтому у нас не остается времени на сон, — и он пошел дальше по своим делам.

Сообразив, что это мой последний шанс поговорить со старцем, я подошел к нему и произнес: «Геронда, я русский!» Лицо старца мгновенно осветилось улыбкой, и он весело ткнул рукой в сторону луковичных позолоченных куполов над часовенкой в доме для священства. Потом повернулся на 180 градусов и показал в сторону часовни Серафима Саровского.

— Серафим, — радостно кивнул я.

Здесь наша «беседа» была прервана рокотом грузовика, привезшего новые пальмы для посадки около корпуса. Воскликнув, как ребенок, у которого в воду упала игрушка, он поспешил помочь монахам.

По дороге обратно в наш корпус я заметил чернокожего паломника по имени Лони Маккой, печально тянущего за собой чемодан и направлявшегося к выходу из монастыря.

— Лони, ты что, уезжаешь?

— Да, — остановился он.

— Что так рано-то?

— А что мне здесь делать? Сколько ждал, а к старцу меня не пустили, никто со мной не встретился... — печально констатировал Лони.

Сердце мое резануло. Выросший в так называемом «библейском поясе» юга США, где доминируют либо баптисты, либо методисты, он, оставаясь протестантом, что-то искал в Православии, работал в благотворительных организациях, побывал дважды на Афоне. Его не пускали в церковь, посему он сидел в «parthex» во время служб, а в трапезной ел в одиночестве после всех. Зная, что испытывают чернокожие в «равноправном» американском обществе, я от души посочувствовал ему.

— Слушай, видишь, возле пальм? Это отец Ефрем. Иди к нему. Так не уезжай.

Лони устало посмотрел на меня, не выпуская чемодана из рук.

— Иди, иди, я с вещами постою, — подтолкнул я.

Через несколько минут он возвратился улыбающимся во весь свой белозубый рот.

— Я ради этого сюда и приехал! — все повторял Лони.

...Прутья были вбиты в землю и обрезаны под одну линию, проволока натянута, крайние столбы укреплены, чтобы выдержать вес плодов. Попрошавшись с отцом Миной и моими новыми друзьями, купив в лавке иконок и сувениров на память, впервые за долгие годы забыв про свою болезнь и наполненный до краев всем увиденным и услышанным, я уезжал, очень надеясь когда-нибудь снова вернуться сюда, в «Святой Антоний», где посреди аризонской пустыни пустил корни и укрепляется виноградник старца Ефрема.